

РЫБОЛОВСТВО КАК ЭТНИЧЕСКО-СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ПРОИЗВОДСТВА НАРОДА САХА

© Эверстов С.И.*

Якутская государственная сельскохозяйственная академия, г. Якутск

Доклад посвящен проблеме происхождения рыбной ловли народа саха.

Как показывают исторические документы, к приходу русских землепроходцев в бассейн Лены в XVII в. народ саха для ловли рыбы употреблял рыболовные сети (объеживающие и отцеживающие) из конского волоса, морды (верши) для речного и озерного рыболовства с применением всевозможных вспомогательных заградительных сооружений.

Напрашивается вопрос: на каком этапе этнической истории саха появился промысел рыбы и как он развивался?

Как известно, происхождение народа саха давно привлекало внимание исследователей. По А.И. Гоголеву, этногенез саха охватывает довольно широкий диапазон времени, начиная со второй половины I тысячелетия до н.э. и до XVIII в. н.э. [1, с. 196].

Лингвисты-тюркологи относят язык саха к древнетюркскому [2, с. 593; 3, с. 325]. Китайцы считали тюрков потомками сюнну-хуннов [2, с. 593].

Археологическими исследованиями установлено, что культура хуннов развивалась на базе предшествующей ей культуре так называемых плиточных могил [4, с. 110-111]. Последние обычно сопровождалась «оленными камнями». Исследователь исторической лексики якутского языка профессор Н.К. Антонов [5, с. 161] пришел к выводу, что носители «плиточных могил» и «оленных камней» были тюркоязычными, а их прямыми потомками, как он считал, являются современные саха.

По мнению исследователей [4, с. 111; 6, с. 389-391], комплекс керамических изделий и предметов искусства, найденный в плиточных могилах, сближает их культуру отчасти с культурой населения Алтая в скифское время, в большей же степени – с современной им культурой Минусинской котловины. Этот постулат впоследствии подтвержден исследователем погребальных комплексов хуннов в Забайкалье П.Б. Коноваловым. Он писал, что «многочисленные аналогии хуннским вещам, приведенные нами из других археологических памятников до и после хуннского времени, достаточно убедительно говорят об общих чертах материальной культуры степных племен, в первую очередь Монголии, Забайкалья, Тувы, Алтая и Минусинской кот-

* Доцент кафедры Философии, истории и социально-экономических наук.

ловины. Сравнительное изучение погребальных комплексов этих районов показывает, что культура хунну по своему облику в целом органически вписывается в круг одновременных и предшествующих ей степных культур Центральной Азии» [7, с. 213].

Сопоставление хуннского керамического орнамента с якутскими привели исследователь орнаментального искусства народов Сибири С.В. Иванова [8, с. 213] к однозначному заключению о преемственности якутского арочного орнамента и орнамента хуннского времени.

На основе скрупулезного изучения искусства алтайских Пазырыкских курганов V-III вв. до н.э., с одной стороны, и якутов, с другой, Улла Йохансен [9, с. 92] нашла сходство их орнаментального искусства и отметила их генетическую близость.

В связи с вышесказанным уместно упомянуть то, что в 80-х гг. XX в. был исследован диринг-юряхский могильник в Центральной Якутии, датированный по C^{14} 3840 ± 50 лет (ГИН – 4794). Все могилы были обložены каменными плитами. Костяки и погребальный инвентарь лежали на дне ям внутри каменных ящиков [10]. Антропологи, исследовавшие черепа костяков, пришли к неожиданному выводу, что основные антропологические особенности якутов сформировались в зоне их современного обитания еще во время функционирования диринг-юряхского могильника [11, с. 105-124].

Обнаруженные в ноинулинских курганах, датированных рубежом нашей эры, человеческие косы исследовал профессор судебной медицины А.Д. Григорьев и установил, что волосы, заплетенные в косы, сходны с монгольскими, а пряди – с якутскими [12, с. 53-54].

Профессором Н.К. Антоновым [5] впервые применено тематическое исследование лексики языка саха. Анализу подверглись термины-основы коневодства, скотоводства, оленеводства, рыболовства, государственного устройства, а также термины по языческим верованиям.

Интерес представляет рыболовная терминология саха. В названиях рыб исследователь выделяет 6 групп основ: а) основы, имеющие тюркские параллели; б) тюрко-монгольские; в) монгольские; г) эвено-эвенкийские; д) русские; е) не имеющие иноязычных параллелей [5, с. 68-72]. В результате этой работы, Н.К. Антонов пришел к выводу, что якутские названия рыб и видов рыб в основном являются исконными. Монгольские заимствования встречены предположительно в 4-х названиях, а эвенкийские – в двух случаях. 7 названий рыб заимствованы у русских, осевших на северных реках. Общетюркское происхождение имеют названия частей тела рыб.

В исследовании Н.К. Антонова достаточно большое место занимает изучение происхождения названий рыболовных снастей [5, с. 72-77]. К исконно тюркским основам отнесены **атара** (острога), **илим** (рыболовная сеть), **туу** (морда, верша), **мунха** (невод), **быһыт** (рыболовная изгородь). Части рыболовной сети и невода **хотоѳос** (поплавок) и **таастыган** (грузило) являются

исконно якутскими терминами. К исконным словам также отнесены предметы, необходимые при неводьбе подо льдом: **мунха ийэтэ** (мотня), **мунха кыната** (крыло), **утүмэх** (прогонная жердь), **атырдыах** (рогатка для проталкивания неводной рели, жерди подо льдом).

Тюркское происхождение имеют **ойбон** (прорубь) и **анньыы** (пешня). К общетюркскому также восходят **быһыт** (рыболовная изгородь, загородь) – **өрүү быһыт, сантыгы быһыт, сэдир быһыт, налба быһыт**.

У саха имеется мешкообразное волосяное рыболовное орудие **куйуур**, являющееся приспособлением для лова рыбы в озерах, применяемое за несколько дней до ледостава и весной подо льдом. Предложенное Н.К. Антоновым суждение об этимологии данного термина заставляет нас усомниться в его монгольской исконности. Подобное рыболовное орудие отсутствует не только у монголов, но и у других тюрко язычных народов. По нашему мнению, это исконно якутское изобретение, а термин **куйуур** происходит от якутского слова-глагола – хойуор, хойуур. Оно объясняется следующим образом. Скот стойлового содержания в зимнее время не может содержаться без водопоя. Поэтому саха не могут обойтись без проруби, откуда должен был пить скот. Притом за зиму прорубается несколько отверстий при помощи пешни **анньыы** и **сүүр**'а. К весне лед сильно утолщается. Кислородный режим нарушается, рыба скапливается в более глубоких участках или ямах водоема. Если отверстие прорублено на таких местах, то вместе с фонтаном воды снизу выталкивается задыхающаяся рыба, в основном карась. Можно предполагать, что скотоводы саха, обосновавшиеся у богатых рыбой озер на Средней Лене, на первых порах могли вытаскивать полусонную рыбу тем же черпаком – **сүүр**. Они не могли не заметить, что в весеннее время в промерзших водоемах, прорубая отверстия, можно ловить рыбу – карася, и не преминули задаться вопросом, как повысить продуктивность лова рыбы в проруби. С течением времени рыбак, вооруженный практическим опытом, должен был усовершенствовать тот же **сүүр**. Ему достаточно было увеличить размер ободка **куойа** и вместо слабо натянутой сетки крепить волосяной мешок. Измененный таким образом в деталях, **сүүр** становится одним из эффективных приспособлений для лова рыбы подо льдом – **куйуур**'ом.

Лов рыбы **куйууром** обычно производится весной. В это время озеро сильно промерзает, или, как говорят саха «**күөл уута хойуорбут кэмэ**». В разговорной речи саха употребляют словосочетание **куйуур собото**, то есть **хойуорбут күөл собото**, отсюда **хойуур собото**. А слово **хойуур** со временем фонетически изменилось и стало произноситься, как теперь мы привыкли слышать, **куйуур**.

Вышеизложенное позволяет высказать мнение, что промысел рыбы был у народа саха издревле, когда он соприкасался с родственными тюркоязычными племенами в Забайкалье и Южной Сибири. Навыки промысла рыбы древних хуннов (V в. до н.э. – V в. н.э.) Центральной Азии сохранились у

курыкан (V-X вв. н.э.) Прибайкалья. В свою очередь, последние передали способы лова рыбы своим потомкам – саха.

Список литературы:

1. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск, 1993. – 200 с.
2. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Т. V. – М.: Наука, 1968. – 758 с.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1969. – 384 с.
4. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – 206 с.
5. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 176 с.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 643 с.
7. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976. – 248 с.
8. Иванов С.В. К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов // Якутия и ее соседи в древности (Труды приленской археологической экспедиции). – Якутск: Издание ЯФСОАН СССР, 1975. – С. 174-184.
9. Йохансен Улла. Орнаментальное искусство якутов (Историко-этнографическое исследование). – Якутск, 2008. – 160 с.
10. Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (ограбление могил и проблема рождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск, 1988. – С. 79-98.
11. Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: ВО «Наука», 1992. – С. 105-124.
12. Никифоров И. Волосы хуннов преподносят сюрпризы // Химия и жизнь. – 1970. – № 11. – С. 53-54.